

Эрнст Май в истории советской индустриализации¹

Среди архитекторов, оказавших решающее влияние на историю архитектуры XX века, имя Эрнста Мая (1886–1970) незаслуженно затерялось. Оно почти ничего не говорит неспециалистам. Но вклад этого человека в технологическую эволюцию европейского и, в особенности, советского градостроительства и проектирования, не только начального периода индустриализации, но и последующих десятилетий, огромен.

В Германии на сегодняшний момент выпущено чуть больше двадцати книг, посвященных творчеству Эрнста Мая, в которых закреплена его роль как одного из лидеров немецкой планировочной теории и градостроительной практики массового жилищного строительства для рабочих середины – конца 1920-х годов. Однако в этих книгах в значительно меньшей степени, нежели другие периоды, освещена его деятельность в СССР. В России отдельной монографии, посвященной его работе в Советском Союзе, также до сих пор не было издано. Прежде всего потому, что советская историография, вынужденная озвучивать лишь официально допустимые трактовки разъяснения событий и фактов, представляла его деятельность как ошибочную и чуть ли не вредительскую. Хотя, в отличие от многих других архитекторов, он приехал в Советский Союз не сам по себе, а по персональному приглашению руководства одной из влиятельных советских организаций. Заметим, на весьма привлекательных условиях и с довольно широкими правами и обязанностями.

Мы практически ничего не знаем о причинах, побудивших советское руководство пригласить Э. Мая в СССР. Дефицитом специалистов этого факта никак не объяснить, так как в 1928–1929 годах проектировщиков (архитекторов и гражданских инженеров, т. е. специалистов по отдельным разделам художественного и инженерно-технического проектирования) насчитывалось: в Москве – около 10 тыс., в Ленинграде – 9 тыс. (40 проектных организаций); в Харькове – 5,5 тыс.². Особым интересом к персоне Эрнста Мая также ничего не объяснить, так как были и другие, значительно более крупные архитекторы, имевшие на тот момент гораздо большую известность. Мало что объясняет и расхожая версия о том, что экономический кризис конца 1920-х – начала 1930-х годов, охватившей в тот

период страны Европы и в том числе Германию, вынудил западных специалистов искать работу в Советском Союзе. В этой версии все правда: и кризис был, и бежали от безработицы, и приезжали в СССР, но случая с Эрнстом Маем подобная версия не проясняет, так как он приехал особым образом – лидером, целенаправленно набранной им группы проектировщиков-градостроителей, руководителем специально под него созданного планировочного бюро, причем в высоком статусе консультанта на уровне руководства советских строительных ведомств и правительственных органов.

Ответ на вопрос о причинах приглашения Эрнста Мая в СССР является одним из «кирпичиков» фундамента того исторического знания о политических основах советской архитектуры и градостроительства, которое формируется сегодня на материале изучения сведений, почерпнутых из российских архивов и сравнительного сопоставления их с данными германских архивов.

Интерес советского руководства в 1920–1930-х годах к германскому строительному опыту не случаен. Строительство поселков для рабочих, которое происходит в этот период в Германии в рамках социальных инициатив муниципалитетов, основывается, как это ни удивительно, на тех же требованиях, которые провозглашаются как требования к жилищу, строящемуся на общегосударственные средства ведомствами и городскими властями в СССР, – максимальная экономичность, стандартизированность, рациональность, технологичность возведения, максимально возможная скорость проектирования и строительства и т. п. Поэтому и само жилище для немецких рабочих, возводимое в соответствии с этими принципами, и его авторы привлекают внимание представителей руководства советских ведомств, осуществляющих рабочее жилищное строительство. Как следствие в 1927 году, с целью изучения опыта жилищного строительства отдельных кварталов и целых рабочих поселков, в Германию направляется делегация целого ряда крупных советских строительных организаций – Строительного директората ВСНХ РСФСР, Стройконвенции, Мосстроя, Госпромстроя, Текстильстроя, 3-го Государственного хлопчатобумажного треста, Главэлектро, Югостали, Индустрия, ВСНХ Азербайджана,

^ Эрнст Май

1. М. Г. Мееровичем выполнено при финансовой поддержке гранта Фонда Герды Хенкель для работы в российских архивах по теме: «Немецкие архитекторы в сталинском СССР – борьба за массовое жилище». AZ 19/SR/09. 2010.

2. По Ленинграду данные приведены по изданию: За индустриализацию. 1932. 8 апр. № 82; по Харькову: Будивництво. 1930. № 3–4. С. 101.

v Рис. 1

^ Рис. 2, 3

Азнефти, НИГРЭСа, завода «Красное Сормово»³. Эти ведомства в тот период являются в СССР основными застройщиками жилья для рабочих. Советская делегация (рис. 1) изучает возведенные на тот период в Германии рабочие поселки: Бритц (Берлин, арх. Б. Таут, М. Вагнер), Тёртен (Дессау, арх. В. Гропиус), Праунхейм, Максморц, Вестхаузенд (Франкфурт-на-Майне, арх. Э. Май) (рис. 2, 3).

Германские пригородные рабочие поселки привлекают внимание руководства советских строительных ведомств тем, что соответствуют базовым положениям марксистской доктрины: «отрицают» скученность населения, антисанитарию, чрезмерную плотность, высокую земельную ренту существующих городов; обеспечивают разукрупнение существующих городов и являют «блестящие перспективы... в смысле улучшения состояния здоровья и физического развития... перенесения постоянного времяпрепровождения жителей и их семейств за черту скученных городов»⁴. В новой застройке Берлина, Франкфурта-на-Майне и Дессау привлекает то, что это типизированная и стандартизированная массовая застройка, как по плани-

ровочным решениям, так по конструкции и способу монтажа. Этот момент особенно важен, так как разработка типовых приемов застройки, типов жилых домов и общественных сооружений, типовых профилей улиц (с учетом различия в их функциональном назначении – жилые, транспортные и т. п.), тиражируемых решений благоустройства и озеленения, сортамента внутреннего оборудования дома и т. п. принципиальным образом преобразует традиционные процессы проектирования и строительства – видоизменяет, удешевляет и ускоряет их.

Делегация отмечает серьезные отличия германской строительной отрасли от советского ведомственного строительного комплекса, прежде всего, в технологии строительного производства. В изучаемых примерах массовой застройки для рабочих, дома не изготавливаются на стройплощадке, а собираются из готовых элементов. Так, крупные пемзобетонные плиты, размером 3,00 x 1,10 x 0,20 метра и весом 400 кг, производятся на заводе строительных деталей, а потом доставляются на площадку и устанавливаются на место (рис. 4).

Благодаря этому «удаётся осуществлять монтаж домов вчерне за 17 дней с незначительным количеством рабочих»⁵. Другой тип домов – сооружения из шлакобетонных пустотелых блоков, размером 22,5 x 25 x 50 см «такого веса, чтобы один человек мог легко положить их в дело», также собираются в немыслимые сроки: два блокированных дома – вчерне за 3 дня. Перекрытия этажа из дырчатых железобетонных балок монтируются за три четверти часа⁶.

Также обращает на себя внимание тот факт, что жилище снабжается горячей водой, отоплением и канализацией централизованно, а не от локальных котельных и мелких очистных сооружений. Подчеркивается, что

при общем поселковом характере планировки в застройке используются дома городского типа. Особо подчеркивался факт максимально полного использования всех помещений здания, в частности подвалов и чердаков. Так, подвалы используются для хозяйственных нужд и поэтому имеют естественное освещение, за счет поднятия пола первого этажа на 0,90–1,10 метра от уровня тротуара, с входом в него с общей лестничной клетки, что позволяет избежать обязательного для России отдельного наружного входа, «загромождающего двор навесами и ограждениями, неудобного для жильцов и требующего на свое осуществление излишних средств». А чердаки, образуемые стенами, специально приподнятыми выше верхнего перекрытия, используются для устройства помещений общих прачечных (одна прачечная – на две лестницы для 12 квартир), а также для размещения дополнительных хозяйственных помещений общего пользования⁷.

Все эти особенности положительно отличают германскую проектную и строительную практику массового рабочего жилища от традиционной на тот период в России практики штучного проектирования и «ремесленного» строительства.

Эрнст Май становится знаменит прежде всего как архитектор, спроектировавший поселки Praunheim, Westhausen, Lindenbaum, Rirdhof-West, застроенные комфортным, доступным для рабочих типовым жилищем, создававшимся в рамках программы по ликвидации жилищного кризиса и оздоровлению условий жизни в немецких промышленных городах. С двумя из этих поселков советская делегация знакомится специально.

Новизна подхода, реализованного Эрнстом Маем, состоит в следующем: 1) изготовление домов осуществлялось не «ремесленным», а «фабрич-

3. Современное строительство Германии. Первая заграничная экскурсия инженеров-строителей и архитекторов. М. : Гостехиздат, 1929. 224 с.

4. Там же. С. 74.

5. Там же. С. 89, 103–104.

6. Там же. С. 89, 103–104.

7. Там же. С. 73, 78.

8. Там же. С. 100.

v Рис. 4

ным» способом, то есть элементы, предназначенные для монтажа (включая перекрытия, крыши, стены и т.д.), изготавливаются в стационарных мастерских, а не на месте постройки, по определенным сериям и сортаментам (заметим, что в Германии и Америке в то время даже частичное применение стандартных частей зданий, изготовленных заводским способом, сразу давало экономии до 30%⁸); 2) строительное производство на месте работы организовано в несколько смен (и круглогодично), что позволяет максимально полно использовать дневное время и весь строительный период; оно осуществляется по четкому календарному графику с полным исключением простоев, подобно промышленному конвейерному производству; это позволяет избавиться от привычных в России, «привычных складов», не нужных в условиях подвоза материалов небольшими партиями по мере надобности, а также освободиться от услуг кладовщиков, счетоводов, конторщиков, сторожей и исключить выпуск требований, разрешений, расписок и прочее; 3) проектно-строительная документация разрабатывается на основе планировочных стандартов с обязательным использованием всего ассортимента заранее разработанных элементов; кроме обычных чертежей (планы, фасады, разрезы, узлы, детали) изготавливаются специальные монтажные чертежи, подобно монтажным чертежам по сборке автомобилей⁹; 4) финансовая и организационная политика направлена на снижение строительных затрат (например, за счет организации фирм, специализирующихся на отдельных видах работ и обладающих специальными машинами, приспособлениями и инструментами, а также высококвалифицированными кадрами), но без снижения качества постройки, прежде всего за счет ликвидации непроизводительных промежуточных операций и лишних технологических этапов¹⁰.

Безусловно, эти принципы и формы организации проектной и строительной деятельности не являлись персональным изобретением Эрнста Мая. Он лишь свел известные на тот момент инновации в рамки единого проектно-строительного процесса, собрал и объединил в форму единой технологии согласованных проектных, производственных, а затем монтажных работ. А также выработал приемы планировочной организации локальных поселений, в максимальной степени способствующих реализации принципов ускоренного, поточного, в полном смысле слова, «конвейерного» строительства. Так, например, Эрнстом

Маем был применен принцип застройки с расположением однотипных домов перпендикулярно улицам, с трассировкой пешеходных путей, ведущих вглубь жилой застройки вдоль фасадов домов¹¹. Этот тип застройки обеспечивал наилучшие условия инсоляции потому, что дома располагались меридионально и солнцем равномерно освещало обе их стороны, на которые выходили квартиры. Этот тип застройки, впоследствии названной «строчной», позволял ускорять, удешевлять и упрощать возведение однотипных домов линейным перемещением монтажных кранов и упрощенным устройством подъездных путей.

В условиях Германии подобный подход обеспечивал, во-первых, резкое снижение цены одного квадратного метра домовостроения и, как следствие, доступность для малоимущих; во-вторых, равноценность условий обитания, т. е. «предоставление каждой жилой ячейке равно удовлетворительных условий в смысле освещения, вентиляции, близости зеленых насаждений и средств передвижения»; в-третьих, технологичность строительства, позволявшую сокращать сроки возведения и каждого дома в отдельности, и поселков в целом и т. п. Кроме того, эта новая форма организации строительных процессов давала еще и значительный эффект экономии средств, сил, материалов, трудовых затрат и даже зарплаты, так как повторяемость строительных операций позволяла легко контролировать объемы произведенных работ и их качество, что в свою очередь, делало возможным заменить сложную систему сдельных расценок (и, соответственно, необходимость постоянных замеров выполненных работ) простой, повременной оплатой труда. Правда, делегация отметила, что подобное во многом становилось возможным благодаря «трудоустройству дисциплины и высокой квалификации германского строительного рабочего, отсутствию текучки кадров, а также при хорошем контроле со стороны десятников»¹².

Основной вывод, который сделала делегация, ознакомившись с германской строительной практикой, состоял в том, что все вышеизложенное могло бы получить значительно более сильный импульс в развитии, если бы основывалось на возможностях крупной государственной строительной промышленности. Скорее всего, именно это понимание и легло в основу постановки задачи переноса в СССР передового опыта ускоренного, стандартизированного, дешевого и качественного строительства массового жилья для рабочих, т. е. как называли

бы его сейчас «индустриального домостроения». Эта задача была сформулирована в результате поездки-экскурсии вполне четко и конкретно. И, как мы увидим, в дальнейшем также четко и последовательно была реализована.

В 1929 году в СССР происходит великий перелом: страна, как единый народно-хозяйственный механизм, направляется на воплощение программы индустриализации, что порождает появление, взамен рабочих поселков 1920-х годов, поселения значительно большего размера и в планировочном отношении «города нового типа» – «пролетарского социалистического города».

Государство имеет свой, исключительно практический интерес осуществления «социалистического расселения», потому что без него невозможно реализовать программу индустриализации – установки первого пятилетнего плана, принятые на XVI конференции ВКП (б) (апрель 1929 г.), утвержденные V съездом Советов СССР в мае 1929 года, а затем пересмотренные в сторону резкого увеличения летом – осенью 1929 года, ставят задачу форсированного строительства не только сотен новых заводов, разработки новых месторождений, строительства новых транспортных коммуникаций, но и возведение подле каждого из заводов, предприятий первичной переработки полезных ископаемых, электростанций, портов, железнодорожных узлов и т.п. жилья для рабочих. Причем значительного по численности – 50 тыс., 80 тыс., 120 тыс. человек.

Государство закрепляет новое представление о «социалистическом городе» в ряде правительственных постановлений, в частности «О проектировании Магнитогорска»¹³. «Соцгород» подразумевает полную зависимость всех процессов внутригородской жизни от градообразующего предприятия; подразумевает «полное использование всего трудоспособного населения в производстве или в коммунально-бытовом обслуживании»; расчет населения города основан на постулате о полном трудовом использовании взрослых дееспособных жителей. Заявляется, что функционирование соцгорода должно быть основано на полном обобществлении коммунального и культурного обслуживания взрослого населения, на поголовном обеспечении детей детскими учреждениями, а всего населения – медицинской помощью и инженерно-санитарным благоустройством (водопроводом, канализацией, электричеством и т. п.)¹⁴. Но основой этой социалистической организации иная, чем у теоретиков-градостроителей.

9. Там же. С. 98.

10. Там же. С. 97–98.

11. Э. Май. Поселковое строительство (опыт Франкфурта) // Аркин Д. Архитектура современного Запада. М. : Изогиз, 1932. С. 166–178.

12. Современное строительство Германии. Первая заграничная экскурсия инженеров-строителей и архитекторов. М. : Гостехиздат. 1929. 224 с. С. 201.

13. Постановление Совнаркома РСФСР о строительстве Магнитогорского комбината и г. Магнитогорска от 11.11.1929 // Из истории Магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска (1929–1941 гг.) : сборник документов и материалов. Челябинск, 1965. С. 56–57, 219–220.

14. Там же. С. 219.

15. Иностранные специалисты в ССЖС // Строительный бюллетень отдела коммерческой информации Телеграфного агентства СССР. 1931. № 74. С. 14.

16. РГАЭ. Ф. 5471. Оп. 5. Ед. хр. 73. Союзстрой ВСНХ. Сектор Кадров. Иностранный отдел. Личное дело иностранного специалиста Май Эрнст за 1930 г.

17. К сожалению, не удалось установить ведомственную принадлежность Делового клуба. Известно лишь, что доклад Э. Мая был посвящен вопросам организации строительства новых городов.

18. РГАЭ. Ф. 5471. Оп. 5. Ед. хр. 73. Союзстрой ВСНХ. Сектор Кадров. Иностранный отдел. Личное дело иностранного специалиста Май Эрнст за 1930 г.

19. Там же.

20. Там же.

21. Там же.

22. Вечерняя Москва. 1930. № 109.

23. Там же.

24. Вечерняя Москва. 1930. № 101.

25. Там же.

26. Жуковский А. А. Архитектура улицы и площади // Планировка и строительство городов. 1933. № 9. С. 22–23.

27. Зальцман А. М., Меерсон Д. С. Архитектура соцгорода и его элементов // Планировка и строительство городов. 1934. № 7–8. С. 13.

28. Вечерняя Москва. 1930. № 101.

29. Договор между Цеконбанком и архитектором Э. Маем от 15 июля 1930 г., на русском и немецком языке. Германский национальный музей, Нюрнберг, Личное наследие Э. Мая (Germanisches Nationalmuseum Nürnberg, Nachlass Ernst May).

В основе «революционного преобразования жизни на социалистических началах», лежала необходимость обеспечения скорейшего пуска в строй сотен гигантских предприятий, строящихся или реконструируемых. С этой точки зрения, «коммунистическая» организация жизни, позволяла отбросить традиционный быт (т. е. домашнее воспитание детей, ведение домохозяйкой семейного хозяйства, самообеспечение семьи основными продуктами питания с собственного приусадебного участка и за счет домашнего животноводства и прочее) и сосредоточить смысл существования человека в соцгородах исключительно на производственных интересах.

В этих условиях государственный заказ вынужден ориентироваться на структурированное и стандартизированное, быстро реализуемое и экономичное жилищное строительство.

Интерес к градостроительным работам Эрнста Мая по стандартизированному, поточному проектированию и строительству вспыхивает с особенной силой.

С этого момента в том фрагменте истории советской архитектуры, который связан с именем Эрнста Мая, встречаются в основном белые пятна и загадки, ждущие проявления интереса со стороны исследователей для углубленного детального изучения. Мы сегодня даже не знаем точно, что послужило причиной его приглашения в СССР. Может быть, это было продолжением знакомства с делегатами – представителями советских строительных ведомств в 1927 году – или, как указывает «Строительный бюллетень отдела коммерческой информации Телеграфного агентства СССР», результатом того «серьезного внимания советских специалистов», которое он привлек на выставке *Wohnung für das Existenzminimum*, где Эрнст Май выступал одним из организаторов, проходившей осенью 1929 года во Франкфурте¹⁵.

Мы точно знаем лишь то, что уже весной 1930 года Эрнст Май приехал в СССР для «чтения лекций, бесед и дачи консультаций». Официально приглашение было оформлено через Советско-германское общество «Культура и Техника».

Эрнст Май посещает три города: Москву, Ленинград и Харьков, где встречается с архитектурной ответственностью и руководством строительных ведомств (например, Индустрия), с кем-то разговаривает в таком весьма могущественном органе, как ЦКК-НК РКК (Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции), ведет переговоры с кем-то в руководстве ВСНХ.

В Москве Эрнст Май выступал с докладами несколько раз: 3 мая – «О планировке городов и жилищном строительстве Германии», 6 мая – «О новом жилищном строительстве во Франкфурте-на-Майне» и 7 мая – «О рационализации жилищного строительства» (лекции проходили в аудитории Анатомического института 1-го МГУ), 11 мая им был сделан доклад об организации строительства новых городов Германии. Доклады вызвали значительный интерес: на первом присутствовало 208 человек, на втором – 400, на третьем – 508¹⁶.

Коме того, Эрнст Май провел две консультации: 6 мая – в помещении клуба ВСНХ СССР, 8 мая – в проектно-планировочном отделении Московского коммунального хозяйства (МКХ), 11 мая Э. Май сделал доклад в Деловом клубе¹⁷ и, как указано в докладе о пребывании Э. Мая в СССР, составленном ученым секретарем Советско-германского общества «Культура и Техника» тов. Маневича-Алмазова и направленном начальнику ИНО (Иностранного отдела) «Стройобъединения» ВСНХ СССР тов. Нигелю: «...участвовал в работе НК РКК по согласованию вопросов планирования жилищного строительства страны»¹⁸.

Точные даты пребывания Эрнста Мая в Ленинграде неизвестны. Имеются сведения лишь о теме прочитанного им доклада – «Рационализация жилищного строительства» – и о том, что он провел консультации в ряде строительных предприятий Ленинграда¹⁹.

13 мая Эрнст Май приехал в Харьков и сделал доклад, на котором присутствовало 165 человек, а 14 мая в помещении НКВД провел консультацию по планировке «двух крупнейших социалистических городов: Большого Запорожья и Днепростроя и рабочего городка на Тракторострое»²⁰. И в тот же день провел консультацию в помещении НТУ ВСНХ УССР, на которой «присутствовало 35 чел. – специалистов инженеров и архитекторов».

После чего вернулся в Москву²¹. Эрнст Май был достаточно открытчен в своих впечатлениях об СССР: в своих выступлениях он указывал на «казарменный тип наших построек, отбрасываемый даже в Европе, в тех новых городах, которые она строит»²², критиковал сезонный характер осуществления капитального строительства, призывал организовывать круглогодичные процессы, занимая рабочих в зимний период массовым изготовлением типизированных частей зданий²³.

Примечательно, что пресса, давая информацию о выступлениях Эрнста

Мая, с пониманием и одобрением воспроизводит те его тезисы, которые через несколько лет проектной работы в СССР, будут поставлены ему в вину. Так, в своих докладах Эрнст Май осуждает такую черту «массового городского строительства капиталистической Европы», как «преобладание архитектурных мотивов над соображениями жилищных удобств»²⁴, указывая на то, что в массовой застройке рабочих жилищ гораздо важнее обеспечить гигиенические параметры, достаточные площади озеленения, optimum квадратных метров жилья на одного человека, проветривание дворов и инсоляцию и т. п. Буквально через год-полтора советские эксперты на страницах профессиональной печати станут критиковать Эрнста Мая за слишком «упрощенную», чересчур «функциональную» архитектуру и будут требовать от него воплощения именно того, что он обличал в капиталистическом градостроительстве, – «архитектурных мотивов». Его станут упрекать в «унылости строчной застройки» в ущерб «художественному оформлению города».

Обличая в своих докладах западную архитектуру, Эрнст Май говорит о том, что в ней «в погоне за стилем» забвению предаются «функциональные особенности зданий»²⁵. Впоследствии Эрнст Май будет неоднократно и резко осужден как раз за нежелание «следовать стилю», за отказ применять внедряемую свыше художественно-образную кальку форм классической архитектуры, за принципиальное нежелание проектировать периметральную застройку кварталов, за отказ создавать «архитектурные ансамбли» и т. п.

Забегая вперед, приведем два примера подобных упреков и претензий: в статье под названием «Архитектура улицы и площади», опубликованной в журнале «Планировка и строительство городов» во второй половине 1933 года (т. е. еще до отъезда Мая из СССР) указывается: «Осуществляемые в настоящее время в натуре проекты наших крупнейших городов Магнитогорска (рис. 5, 6), Сталинска, Нижнего Тагила и др. ясно говорят, что они проектировались методом раздельного проектирования планировки и архитектуры. Основным мерлом проекта берется лишь выполнение основных заданий на данный проект города в части, касающейся взаимного расположения территорий, размещения требуемого количества жителей, обеспечение транспортной связи и культбытового обслуживания. Вопросу же, как будет выглядеть проектируемый город в натуре и можно ли будет на базе такой планировки создать интересные архитектурные

ансамбли, при оценке проекта планировки уделяется недостаточное внимание. Наши новые города безличны, они все похожи друг на друга, в них трудно ориентироваться, они скучны»²⁶.

В другой статье – «Архитектура соцгорода и его элементов», опубликованной в том же журнале через год – во второй половине 1934 года (т. е. уже после отъезда Э. Мая из СССР), «собран» весь «букет» критических замечаний к проектам Эрнста Мая, которые через некоторое время станут хрестоматийными и постоянно повторяемыми: «При проектировании проводился принцип функционализма... В этих проектах вопросы архитектуры города отодвигались на задний план, а в большинстве случаев просто игнорировались... Если детально ознакомиться с этими работами, то в них проводится одна и та же идея плана: город решается стандартно...

Правильно задуманная организация города с решением максимального приближения к живущим культурно-бытового обслуживания... имеет весьма неприятное планировочное отличие в виде штампованных стандартных элементов, повторяющихся бесконечное число раз в зависимости от величины города... Решение улиц, бульваров, магистралей понималось примитивно: улица есть средство сообщения... поэтому решать ее архитектурно не следует... Жилые дома ставились торцами на улицы (строчная застройка) и придавали ей однотонный унылый вид... В целом город штамповался типовыми кварталами строчной застройки и производил как на бумаге (в проекте), так и в натуре (выстроенные кварталы) удручающее впечатление»²⁷.

Но это произойдет позже, а пока, в своих выступлениях в Москве, Ленинграде и Харькове, Эрнст Май выражает «уверенность, что приехав в СССР, он сможет быть полезен стране, которая, как он убедился, целиком поглощена большим строительством»²⁸.

Скорее всего, именно во время майского (1930 г.) визита Эрнста Мая в СССР и состоялась договоренность между ним и советским руководством о его приезде в СССР на длительный срок – пять лет для проектной работы в специально создаваемом под него Проектно-планировочном бюро Цекомбанка по строительству новых городов и поселков. Договор с ним датирован 15 июля 1930 года. В договоре оговариваются задачи, возлагаемые на Эрнста Мая и его сотрудников. Это, прежде всего, «...б) составление проектов по планировке новых городов и поселков, а также переплани-

ровке старых... г) разработка мероприятий по рационализации и стандартизации строительства жилых домов и других гражданских сооружений, а также по улучшению методов проектировки и выполнения комплексного строительства городов и поселков с применением всех новейших достижений в области строительства, как конструктивных, так и в организации метода строительства и оборудования жилищ; д) разработка типовых проектов жилых домов и других гражданских сооружений; е) разработка проектов фабрик и заводов для производства стандартных жилищ, как уже известных в практике, так и новых...»²⁹. То есть фактически Эрнсту Маю предлагается реализовать в СССР его германский опыт.

И действительно, деятельность Эрнста Мая, сразу же после его приезда в СССР (октябрь 1930 г.), разветвляется очень широко. За несколько месяцев изготавливаются схемы застройки десятка соцгородов: Щегловска, Кузнецка, Ленинска, Прокопьевска, Магнитогорска, Сталинграда, Нижегородского Автостроя, Караганды и др. Эрнст Май выступает в качестве эксперта градостроительных проектов, разработанных в других организациях, посещая в этом статусе такие соцгорода, как Магнитогорск, Нижний Тагил, Сталинград и др. Архитекторы его группы работают в строящихся далеких городах либо на постоянной основе, либо в ходе временных командировок.

Однако градостроительные принципы Эрнста Мая оказываются под сильным давлением со стороны социальных и идеологических требований «государства-заказчика», которым он вынужден подчиняться. Его убеждения сталкиваются с весьма специфической советской системой организации проектирования и ограничены наличными техническими и технологическими возможностями. Его позиция приходит в противоречие с мнением советских экспертов, анализирующих его проекты и выносящих свои заключения по ним. Его проектные предложения обесмысливаются стихией самовольной застройки. Его представления о социальной справедливости массового жилья для рабочих абсолютно не совпадают с социальной иерархией типологии советского жилья в соцгородах-новостройках и т. п.

Изучение и оценка наследия Эрнста Мая в СССР возможны только на основе учета всех этих обстоятельств.

**Евгения Конышева
Марк Меерович
Томас Флирль**

